

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Наследие Герберта Спенсера в области политической философии представлено четырьмя крупными произведениями, не считая многочисленных эссе, дополняющих и развивающих его мысли. Первое из этих произведений, «Размышления о надлежащей роли государства» (1842), — наименее известно. Второе, «Социальная статика» (1851), — самый знаменитый трактат Спенсера в этой области, являющийся систематическим изложением его взглядов. Третья крупная политическая работа Спенсера — «Личность и государство» (1884) — носит более полемический и более квазисоциологический характер, чем первые две и последнее из значимых политических исследований Спенсера — «Справедливость», представляющая собой четвертую часть его «Принципов этики» (1891).

Помимо первой и третьей из этих работ, настоящее издание включает также два сравнительно ранних политических эссе Спенсера — «Чрезмерность законодательства» (1853) и «Представительное правление» (1857), два важных эссе по политической социологии — «Социальный организм» (1860) и «Специализация управления» (1871), а также работу «От свободы к рабству» (1891), в которой развиваются полемические и аналитические темы «Личности и государства».

Герберт Спенсер родился в английском городе Дерби 27 апреля 1820 г. Он происходил из семьи священников-диссентеров и учителей, отличавшихся ярко выраженным антиэтатистским индивидуализмом вследствие давней оппозиции по отношению к связи государства и церкви и своего решительного отождествления с растущим коммерческим классом. Как его отец Джордж Спенсер, так и дядя преподобный Томас Спенсер были сторонниками отделения церкви от государства, выступали против хлебных законов и за расширение избирательного права. Отец и дядья Спенсера, самоучки и учителя, больше уважали науки и их практическое применение, нежели классическую традицию. По наследству от них Герберту Спенсеру передались

¹ Перевод с англ. Николая Эдельмана.

антиэтатизм, индивидуализм и научно ориентированный рационализм. Спенсер сам указывал на возможные гуситские или гугенотские корни семьи как на частичное объяснение своего индивидуализма и неуважения к авторитетам. Он часто говорил, что его вера во Вселенную, целиком управляемую естественным законом причинности, выросла из научных интересов его отца и любопытства к причинам природных явлений.

Свое образование Спенсер получил почти исключительно от отца, а впоследствии своих дядьев Вильяма и Томаса. Акцент делался на естественных науках и биологии. Он собирал растения и насекомых, ставил опыты, делал зарисовки, решал математические задачи, а также посещал лекции в Философском обществе Дерби. В пору юности Спенсера дядя Томас попытался расширить его образование, познакомив Герберта с классическими авторами, языками и историей. Но его независимый племянник оказался не слишком отзывчив к этим бесполезным и догматическим занятиям.

В ноябре 1837 г., вскоре после того, как на трон взошла королева Виктория, Спенсер получил должность инженера на Лондонско-Бирмингемской железной дороге. С этого момента до 1841 г., а затем с 1845 по 1848 г., работая в различных компаниях, Спенсер стал участником великой фазы лихорадочно-железнодорожного строительства. Судя по всему, он весьма компетентно и успешно справлялся с решением любых инженерных задач; как в эти годы, так и позже Спенсер сделал ряд технических изобретений, а с 1839 по 1842 г. опубликовал несколько работ в «Журнале гражданского инженера и архитектора» («Civil Engineer's and Architect's Journal»). Лишь его интерес к литературной карьере и, возможно, неспособность серьезного и целеустремленного молодого человека наладить теплые отношения с коллегами помешали ему посвятить инженерному делу всю жизнь. Впоследствии впечатляющее развитие британской железнодорожной сети Спенсер постоянно приводил как пример прогрессивной координации усилий социума без участия государства. С не меньшим постоянством он указывал на провал всех попыток муниципальных властей принять меры против шума, издаваемого поездами, как на пример неспособности правительства выполнять свои надлежащие отрицательные функции.

Начиная с весны 1842 г. Спенсер сочинил ряд писем для журнала радикальных диссентеров «Нонконформист». Переизданные в виде памфлета «Размышления о надлежащей роли государства», эти письма в некоторых отношениях представляют собой наиболее радикальное политическое эссе Спенсера. Он утверждает, что сфера полномочий государства должна ограничиваться гарантированием справедливости, понимаемой как уважение к естественным правам, а не непосредственным стремлением ко «всеобщему благу». Этот стандарт требует от индивидуумов лишь неучастия в актах прямого угнетения, от государства же он требует лишь предотвращения подобных актов.

Публикация «Размышлений о надлежащей роли государства» совпала с единственным периодом активного и регулярно участия Спенсера в политической деятельности. Он занимал в Дерби должность секретаря местного отделения Союза за всеобщее избирательное право и писал многочисленные короткие памфлеты как для этой группы, так и для Ассоциации за отделение церкви от государства. Поскольку литературная деятельность этого периода не принесла ему серьезных денег, в 1845 г. он возвращается инженером на железную дорогу. Однако в 1848 г. Спенсер получает должность младшего редактора в «Экономисте». В то время «Экономист» был ведущим органом сторонников свободной торговли и принципа *laissez faire*, и взгляды Спенсера, изложенные им в «Размышлениях о надлежащей роли государства», едва ли могли воспрепятствовать этому назначению.

За пять лет, проведенных Спенсером в «Экономисте», он работал главным образом с неидеологизированными новостями, однако в «Социальной статике», опубликованной им на третий год службы, Спенсер развивает и систематизирует учение, изложенное в «Размышлениях о надлежащей роли государства».

Десятилетие, последовавшее за изданием и умеренным успехом «Социальной статике», Спенсер посвятил сочинению ряда ключевых статей, в которых развивались его ламаркистские взгляды на эволюцию, а также важных политических и социологических эссе. Хотя здоровье и финансы Спенсера находились в расстроенном состоянии, в течение этого периода он завязал дружбу со многими выдающимися британскими интеллектуалами, включая Джорджа Элиота, Томаса Гексли, Джорджа Льюиса и Джона Стюарта Милля. Приобретенный в этом

и последующих десятилетиях статус Спенсера как политического еретика не должен заслонять от нас его более широкую роль как видного представителя светского научно-интеллектуального сообщества. В 1858 г. Спенсер сформулировал амбициозный план своей «Синтетической философии», работе над которой он посвятил следующие тридцать лет своей жизни, невзирая на другие занятия и приступы нездоровья. Этот грандиозный труд включает в себя «Основные начала», а также многотомные «Принципы» биологии, психологии, социологии и этики. В поисках средств, позволивших бы ему довести свой труд до конца, Спенсер пытался получить синекуру в индийской колониальной администрации, должности начальника тюрьмы, почтового чиновника и даже хотел поступить на консульскую службу. После того как подходящих вакансий не нашлось, Спенсер решил финансировать свой великий проект с помощью подписки. В итоге неопределимую помощь он получил от своего главного последователя в Америке Эдварда Йуменса, нашедшего Спенсеру многих подписчиков. Когда в середине 1860-х годов этот план провалился из-за того, что подписчики перестали платить, а Спенсер опоздал с изданием очередных частей «Синтетической философии», Милль вызвался покрыть его срочные расходы и собрать средства, позволившие бы ему продолжить работу. Спенсер отклонил это щедрое предложение. Однако, когда Йуменс убедил американских сторонников Спенсера организовать фонд, деньги из которого шли бы либо самому Спенсеру, либо его американским издателям, Спенсер «презиравший издателей сильнее, чем ненавидел благотворительность, не смог отказаться».

Политические эссе этого десятилетия, опубликованные после «Социальной статики» — «Чрезмерность законодательства» и «Представительное правление», — можно воспринимать как развитие учения, изложенного в «Социальной статике». Они содержат решительную критику эффективности государственной системы и убеждение в том, что прогресс покончит с нелепой верой во всемогущество государства — хотя эта вера будет «умирать медленно» (с. 258)¹. Мы снова видим здесь уверенность Спенсера в том, что только всеобщее избирательное

¹ В скобках указаны страницы по настоящему изданию.

право покончит с классовым законодательством — «равномерное распределение политической власти между всеми служит надежной охраной общему благу» (с. 293). Однако эффективная бдительность избирателей возможна лишь в том случае, если задачи представительной власти будут ограничены защитой простых и неизменных «принципов справедливости (equity)» (с. 294), но отнюдь не тогда, когда правительство берет на себя «сложное дело регулирования всей жизни нации» (с. 259).

Два социологических эссе — «Социальный организм» и «Специализация управления» — представляют другую сторону Спенсера как мыслителя, не вполне совместимую с его остальными взглядами. Взаимосвязи между политическими представлениями Спенсера и его эволюционизмом, а также эволюционной социологией, носят слишком сложный и запутанный характер, чтобы разбирать их здесь, — если разобраться в них вообще возможно. Однако можно указать на несколько моментов в связи конкретно с этими эссе. Во-первых, главная задача метафоры «социальный организм» состоит в том, чтобы подчеркнуть немеханистический, неинтенциональный, однако взаимно скоординированный характер тех процессов, которые обеспечивают возникновение и существование любого конкретного общества и его институтов, и тот факт, что любое общество пронизано социальными структурами, которые, если воспользоваться выражением Хайека, являются результатом человеческих действий, но не замысла. Эта метафора помогает также выявить дальнейшие параллели, например между физиологическим и экономическим разделением труда. В намерения Спенсера не входило проповедовать нравственный или методологический органицизм в каком бы то ни было виде. Так, он утверждает, что в противоположность биологическим организмам, «корпоративная жизнь [общества] в этом случае должна подчиняться жизни отдельных частей, а не жизнь отдельных частей — корпоративной жизни» (с. 312). Однако и здесь намерение расходится с результатом. Как пишет Спенсер в «Социальном организме», «наши парламентские палаты исправляют в социальной экономии должности, во многих отношениях удобосравнимые с должностями масс головного мозга у позвоночных животных» (с. 336). Подобные утверждения явно послужили отправной точкой для рассуждений Т. Гексли в «Административном

нигилизме» о том, что из метафоры организма следует возможность и порой даже желательность преднамеренного парламентского контроля за экономикой и вмешательства в ее функционирование, аналогично тому, как организм может и обычно должен управляться и контролироваться центральной нервной системой индивидуума.

Ответ Спенсера на эти утверждения, приведенный им в «Специализации управления», к сожалению, и несостоятелен, и несовместим с его теориями. Спенсер полагает, что и высший биологический организм, и высший социальный организм обладают как системами осуществляемого по принципу отрицательной обратной связи пассивного контроля над внутренними органами и их взаимодействием, так и системами активного контроля над внешними органами и их связями с окружающей средой. Однако с целью провести аналогию с внутренними органами Спенсер вынужден пойти на неправдоподобное допущение о том, что функциональные внутренние органы биологических организмов нуждаются лишь в пассивном регулировании, приблизительно соответствующем соблюдению принципа равной свободы и надзору за выполнением контрактов. А с целью провести аналогию с внешними органами Спенсер вынужден утверждать, что в сфере иностранных дел государство обязано выходить за рамки гарантирования справедливости, предпринимая положительные действия. Такой взгляд явно противоречит негативному отношению Спенсера к агрессивным войнам, колониализму и государственному регулированию внешней торговли. Спенсер не понимает, к чему приведет наделение правительства функциями положительного контроля за иностранными делами, потому что путает эту серьезную уступку с трюизмом (применимым и к внутренним, и к иностранным делам) о том, что правительство должно осуществлять положительный контроль за своим собственным аппаратом.

Растущая слава и финансовая обеспеченность Спенсера в 1870—1880-е годы не прибавила ему ни счастья, ни здоровья. По крайней мере отчасти личная трагедия второй половины жизни Спенсера была вызвана его представлениями о постепенном отступлении после 1850 г. к меркантилистскому и милитаристскому социальному — «воинственному», как он выражался, — строю. Хотя в одном из своих писем Спенсер называет книгу

«Личность и государство» «законченной формой», ради которой он трудился в течение сорока двух лет, и «положительным кредо для передовой политической партии», в общем и целом Спенсер был преисполнен глубокого пессимизма по поводу возможности остановить скатывание к «коммунизму». К моменту завершения этой работы Спенсер видел свою задачу уже не в том, чтобы обрисовать путь прогресса, по которому последует человечество, а скорее в том, чтобы сопротивляться процессу «возвращения к варварству». Эссе, вошедшие в состав книги «Личность и государство», представляют собой самый последовательный, блестящий и горький акт такого сопротивления.

В «Новом торизме» предпринята попытка дать определение истинному либерализму и объяснить, почему Либеральная партия пришла к защите новой системы государственной власти. В «Грядущем рабстве» Спенсер подробно разбирает динамику постепенного приращения государственной власти, в конечном счете ведущего к деспотизму и порабощению. В «Грехах законодателей» критикуется незнание законодателями как экономических законов, определяющих желания и поступки людей, так и эволюционного закона, согласно которому прогресс «не обходится без страданий». Здесь мы находим формулировку принципа «выживание наиболее приспособленных», хотя следует помнить, что под наиболее приспособленными Спенсер понимал наиболее адаптировавшихся к социальной жизни и даже тех, кого внезапные приступы сочувствия подвигают на помощь «достойным собратьям, попавшим в беду». В «Великом политическом предрассудке» Спенсер нападает на теорию о неограниченном суверенитете государства, будь то парламентском или монархическом, и на соответствующее учение о том, что права даруются государством, которое так же вправе их отменить. Последняя часть этого эссе представляет собой впечатляющее резюме политических взглядов Спенсера. Наконец, в эссе «От свободы к рабству» Спенсер противопоставляет свободное, промышленное общество — общество договора, — воинственному обществу принуждения, обществу статуса. Здесь же содержатся пророчества, своей яркостью не уступающие предсказаниям Бакунина о том, какие бедствия ожидают трудящихся, подчиненных «армии чиновников, объединенных общими интересами официоза».

Два вопроса, затронутых в этих последних эссе, еще сильнее загнали Спенсера в оборону и изоляцию. Спенсер яростно нападал на Генри Джорджа и сторонников национализации земли и, в свою очередь, подвергался нападкам за отказ от своих собственных взглядов об общественной собственности на землю. Джордж, в частности, критиковал Спенсера за отступничество, проявившееся в изъятии главы «Право пользования землей» из издания «Социальной статистики» 1892 г. Спенсер гневно отвечал, что он никогда не менял своих взглядов принципиально и что по-прежнему верит в общественную собственность на землю и в необходимость справедливой компенсации нынешним землевладельцам — по крайней мере возмещения затрат на улучшение качества земли. Однако, поскольку он начал понимать (на основе рассуждений, которые иначе как сомнительными не назовешь), что общество не может себе позволить выплату справедливой компенсации, и поскольку нынешний агрессивный официоз доведет от общественной собственности на землю до социализма, в данных обстоятельствах следует отказаться от открытой социальной реаппроприации [обобществления]. Далее Спенсер объявляет всю эту проблему спорной, поскольку все, включая автора «Великого политического предрассудка», признают, что в конечном счете суверенитет над землей принадлежит парламенту. Земельный вопрос может служить пробным камнем, позволяющим оценить истинность теорий о дрейфе Спенсера к консерватизму. У нас еще нет удовлетворительных ответов на вопросы о том, имел ли место такой дрейф, а если да, то в чем он выразался и как его можно объяснить, однако нам не обойтись без них для полного понимания взглядов Спенсера.

Напротив, за существенным исключением готовности согласиться на воинский призыв в случае оборонительной войны, в своем неприятии милитаризма и империализма Спенсер оставался твердым и последовательным антиконсервативом. В начале 1880-х годов Спенсер вернулся в активную политику, предприняв неудачную попытку создать влиятельную Лигу против агрессии. Именно этим тщетным попыткам и изнурительному турне по Америке летом и осенью 1882 г. Спенсер приписывал дальнейшее ухудшение своего здоровья. Тем не менее в течение 1880—1890-х годов Спенсер продолжал критиковать

агрессивную внешнюю политику Великобритании, пытаюсь заручиться поддержкой общественного мнения. В «Грехах законодателей» он гневно обрушивается на тех мнимых либералов-империалистов, которые «не могут с полным спокойствием думать о страданиях, сопровождающих борьбу за существование, которая ведется без насилия среди членов одного и того же общества, и могут смотреть безмятежно на самую страшную форму тех же страданий, когда они огнем и мечом причиняются целым общинам» (с. 87). Спенсер видел в этих явлениях наступление откровенного милитаризма, который в различных отношениях представлял собой глубинную причину социального регресса последних десятилетий XIX в. Согласно его словам в эссе «От свободы к рабству», «хронические войны везде и во все времена порождали военный тип организации не только войска, но и мирной общины» (с. 392). Такое видение нации, упустившей свои исторические возможности и тем самым предавшей юношеские надежды и предсказания Спенсера, омрачает последние годы его жизни. Вызванные этим разочарованием горечь и печаль проявляются в последних актах сопротивления со стороны Спенсера — его работах «Регламентация», «Возврат к варварству» и «Империализм и рабство», изданных в 1902 г. Герберт Спенсер умер 8 декабря 1903 г. с убеждением в том, что по крайней мере в качестве политического мыслителя и автора он прожил свою жизнь зря.

Эрик Мэк
1981 г.

ОТ 1884 г. СПЕНСЕРА ДО «1984 г.» ОРУЭЛЛА¹

В 1884 г. Герберт Спенсер написал быстро прославившуюся книгу «Личность и государство». Сегодня об этой книге вспоминают редко, а сама она пылится на библиотечных полках — если библиотеки вообще хранят ее до сих пор. Когда современные авторы все-таки удосуживаются упомянуть о политических взглядах Спенсера, в большинстве случаев они рассматривают их как «крайний случай *laissez faire*» и посему «дискредитированные».

Но любого непредвзятого человека, который возьмет на себя труд прочесть или перечесть эту книжку, возможно, поразят две вещи. Во-первых, недюжинная проницательность, с которой Спенсер провидел то, что будущие посягательства государства будут нацелены, вероятнее всего, на личную свободу, причем в первую очередь в экономической сфере. Во-вторых, то, каких масштабов эти посягательства достигли в 1884 г., — в том году, когда писалась книга.

Нынешнее поколение воспитано в убеждении, что до введения в 1933 г. Нового курса государство не заботилось о «социальной справедливости» и не интересовалось судьбой нуждающихся. Предшествующие эпохи изображались как времена, когда никто не «заботился» [о людях], когда свирепствовала политика *laissez faire*, когда позволялось умирать с голоду тем, кто проиграл в ожесточенной конкуренции, которую эвфемистически называли свободным предпринимательством, но которая была попросту системой «человек человеку волк» и «загнанных лошадей пристреливают». И если нынешнее поколение считает, что это было правдой даже для 1920-х годов, то в том, что так оно и было в 1880-х, считающихся апогеем *laissez faire*, люди уверены абсолютно.

И все же первоначальное изумление читателя, приступившего к чтению сочинения Спенсера, начинает проходить уже

¹ Глава 23 книги Г. Хэзлита «Man vs. the Welfare State» (1969). Перевод с англ. Т. Даниловой под редакцией А. Куряева.

к середине книги, так как одна причина для удивления объясняет другую. Спенсер всего лишь демонстрирует законодательные тенденции, существовавшие в 1880-х годах, и экстраполирует их в будущее. Ему это удалось потому, что он был настолько потрясен этими тенденциями, что осознал их гораздо резче большинства своих современников, и гораздо яснее видел, куда они поведут, если их не обуздать.

Даже в своем предисловии к «Личности и государству» он обращает внимание на то, как «увеличение формальной свободы» сопровождалось «уменьшением свободы фактической»: «С каждым годом вводится все больше правил, ограничивающих гражданина в направлениях, где прежде его деятельность не была стеснена, и принуждающих его к действиям, которые он прежде мог предпринимать или не предпринимать по собственному разумению; и в то же время более тяжелое бремя общества... еще сильнее ограничивает его свободу, снижая его доходы, которые он может тратить как нравится ему, и увеличивая долю, изымаемую у него, чтобы быть потраченной как нравится представителям власти» (с. 2)¹.

В первой главе «Новый торизм» Спенсер утверждает, что «Большинство тех, кого в то время считали либералами — это тори нового типа» (с. 3). Либералы его времени, отмечает он, уже «потеряли из виду ту истину, что либерализм обыкновенно защищал свободу личности против принудительного действия государства» (с. 6).

Так что полная смена англо-американской системы координат, по которой «либерал» сегодня означает прежде всего сторонника государственного вмешательства, началась уже в 1884 г. Выдвигались предложения, «представляя на то основательные доводы, организовать систему обязательного страхования, по которой люди были бы обязаны с юности делать сбережения на то время, когда они не в состоянии будут работать» (с. 16). Вот где следует искать корни американского Закона о социальном страховании 1935 г.

Спенсер также уделяет внимание антилиберальным последствиям растущего налогового бремени. Те, кто взимает дополнительные налоги, фактически говорит: «До сих пор вы

¹ В скобках указаны страницы по настоящему изданию.

могли тратить эту часть своего заработка по своему усмотрению; теперь же вы не будете иметь возможности делать этого, но мы будем тратить ее для общего благополучия» (с. 16).

Затем Спенсер обращается к принуждению, которое профюзы применяли к своим членам уже тогда, и задает вопрос: «Если люди пользуются своей свободой таким образом, что отказываются от свободы, то разве это помешает им сделаться рабами впоследствии?» (с. 18)

Во второй главе «Грядущее рабство» Спенсер обращает внимание на существование того, что он называет «политическим импульсом», подразумевая под этим тенденцию государственного вмешательства и аналогичных политических мер увеличиваться в масштабах и ускоряться в том направлении, в котором они уже задействованы. В последние несколько лет американцы познакомились с этим импульсом чрезвычайно близко.

Спенсер иллюстрирует: «Ежедневно говорится: „Мы уже сделали то-то и то-то; почему нам не действовать и далее в том же направлении?“» и продолжает: «Покупка государством телеграфов и ведение ныне этого дела на счет казны, — которое уже управляло ими в Англии, когда он писал эту книгу, — являются побудительной причиной для требований, чтобы государство выкупило из частных рук и эксплуатировало само также и железные дороги» (с. 34). А ниже цитирует требования одной группы о том, что государство должно приобрести железные дороги, «с вознаграждением или без вознаграждения теперешних владельцев» (с. 49).

Британское государство не приобретало железных дорог и не занималось ими 65 лет, до 1948 г., но все же шло именно к тому, чего опасался Спенсер.

Но не одни прецеденты поощряют постоянное расширение интервенционистских мер, указывает Спенсер, но и «необходимость дополнять так или иначе мероприятия, оказывающиеся недействительными, и бороться с искусственным злом, беспрестанно нами создаваемым. Неудачи обыкновенно не подрывают в нас доверия к принимаемым мерам, а только побуждают или к более настойчивому применению их» (с. 35).

Он приводит один пример того, как «для предотвращения этого зла, порожденного обязательной благотворительностью, ныне предлагают ввести обязательное страхование».

Сегодня в Америке можно указать на множество примеров вмешательства, в основном предназначенных для устранения рукотворных бед, вызванных предыдущими вмешательствами (от мер по выправлению «дефицита платежного баланса» до постоянно множащихся мер борьбы государственной «войны с бедностью»).

Везде, продолжает Спенсер, неявно предполагается, что «бороться со всяким злом есть неперемнная обязанность правительства... чем чаще повторяется правительственное вмешательство в общественную жизнь, тем более люди укрепляются в мысли о необходимости этого вмешательства и тем чаще, громче и настойчивее его требуют» (с. 36). Каждая дополнительная мера по оказанию помощи вызывает надежды на будущие подобные меры: «Чем чаще проявляется общественное вмешательство, тем сильнее развивается в гражданах мнение, что все должно делаться для них и ничего ими самими. Люди с каждым поколением все больше и больше сами теряют привычку личными усилиями или усилиями обществ и товариществ, образуемых по частному почину, добиваться желаемого, и все более и более привыкают рассчитывать на помощь правительственных учреждений, так что доходят, наконец, до того, что на эти учреждения начинают смотреть как на единственные, от которых они могут ожидать себе пользы» (с. 38—39).

«Социализм, — заключает Спенсер, — в какой бы форме он ни проявлялся, заключает в себе рабство... Действительно же характерной чертой раба является то, что он работает по принуждению, чтобы удовлетворить желаниям другого». Это отношение допускает множество степеней. Деспотичное налогообложение — это форма рабства индивида у общества в целом. «Вся суть дела в том: сколько он принужден работать на других и сколько затем у него остается свободного времени, чтобы работать на самого себя?» (с. 45).

Вероятно, даже Спенсер недоверчиво отнесся бы к предсказанию, что менее чем через два поколения предельные ставки налогов в Англии поднимутся выше 90% и множество энергичных и амбициозных людей в Англии и США будут вынуждены тратить более половины своего времени и труда, работая на содержание общества, а на содержание себя и своей семьи, им позволят тратить менее половины своего времени и труда.

Современный прогрессивный подоходный налог может служить количественной мерой степени экономической свободы человека и его порабощения.

Те, кто полагает, будто муниципальное жилье является совершенной новинкой, будут поражены, услышав, что зачатки этого явления (а также некоторые их вредные последствия) в 1884 г. уже существовали: «Там, где муниципальные корпорации делаются домостроителями, они неизбежно роняют цену домов, построенных на частные средства, и мешают сооружению новых... Вместе с возрастающими помехами к сооружению новых домов, особенно небольших, должно возрасть и требование к местной администрации, чтобы она пополняла недостаток в них... если мы дойдем до того, что в городах муниципальные власти сделаются главными домовладельцами, то это послужит уже хорошим прецедентом к снабжению на общественный счет домами и сельского населения, как это предлагает программа радикальной партии и как этого хочет демократическая федерация, требующая „принудительного устройства здоровых жилищ для ремесленников и хлебопашцев, в размере, соответствующем числу населения“» (с. 46).

Спенсер не предвидел только одного вида вмешательства государства — введения регулирования арендной платы, которое делает невыгодным для частных лиц владеть старыми доходными домами, ремонтировать или реконструировать их или строить новые. Последствия регулирования арендной платы вызывают негодующие обвинения в том, что в сфере обеспечения достаточным количеством жилья «частное предпринимательство попросту не работает». Вывод: следовательно, государство должно вмешаться и принять этот труд на себя.

В другой сфере Спенсер явно сформулировал свои опасения по поводу того, что государственное образование, которое бесплатно предоставляло то, за что частные школы должны были брать плату, со временем разрушит частные школы. Но, разумеется, он не предвидел, что в конце концов государство будет обеспечивать бесплатное обучение даже в *колледжах* и университетах, существующих за счет налогов, все более и более угрожая таким образом существованию частных колледжей и университетов, постепенно дрейфуя ко все более и более единообразному конформистскому образованию, при котором

рабочие места профессорско-преподавательского состава колледжей в итоге зависят от государственной власти, и тем самым развивая экономическую заинтересованность в преподавании и обучении этатистской, проправительственной и социалистической идеологии. Тенденция к образованию, поддерживаемому государственной властью, в конце концов неизбежно ведет к государственной монополии на образование.

«Либеральные» читатели 1970 года, возможно, будут шокированы, узнав, что недавние меры государственного вмешательства, которые они считают самоновейшими выражениями передовой и сострадательной философии, были предвосхищены еще в 1884 г., точно так же как читатели-этатисты во времена Спенсера должны были быть шокированы, узнав от него, как много недавних мер государственного вмешательства 1884 г. были предвосхищены во времена Древнего Рима и в Средние века. Ссылаясь на историка, Спенсер напомнил им, что в Галлии времен упадка Римской империи «число получателей стало так велико сравнительно с числом плательщиков, и бремя поборов сделалось так громадно, что земледельческий класс пришел в разорение, поля обратились в пустыни, и лес вырос там, где некогда бороздил плуг» (с. 48).

Спенсер напомнил своим читателям также о законах о ростовщичестве во Франции при Людовике XV, которые подняли процент «с пяти на шесть, когда они имели намерение опустить его на четыре» (с. 61).

Он напомнил им о законах против «скопления товаров» (скупка товаров с целью дальнейшей перепродажи) также в средневековой Франции. Целью этих законов было помешать каждому «покупать на рынке более двух мер пшеницы», что мешало торговцам и перекупщикам выравнивать предложение во времени и лишь усиливало дефицит (с. 61).

Он также напомнил своим читателям о мере, которая в 1315 г. в целях уменьшения голода предписывала цены съестных припасов, но позднее была отменена после того, как привела к полному исчезновению с рынка некоторых продуктов питания (с. 62).

Он напомнил им, кроме того, о множестве попыток установить величину заработной платы, начиная со Статута о рабочих при Эдуарде III (1327—1377).

И о Статуте 35 Эдуарда III, направленного на сдерживание роста цен на сельдь (который был вскоре отменен, потому что привел к росту цены).

А еще о законе Эдуарда III, по которому трактирщики в портовых городах присягали в том, что будут обыскивать своих посетителей, чтобы «помешать вывозу монеты или слитков за границу».

Последний пример нетактично напомнит американцам нынешний запрет на частное владение и вывоз золота, а также о предложении администрации Джонсона ввести запретительный налог на заграничные путешествия и о действующем запретительном налоге на иностранные инвестиции. Добавим существующие до сих пор запреты даже якобы передовых европейских стран на вывоз из страны их местных *бумажных* денег, за исключением крохотных сумм!

Я подхожу к одной чрезвычайно специфической параллели между 1884 г. и сегодняшним днем. Это касается расчистки трущоб и реконструкции городов. Британское правительство времен Спенсера на существование убогого перенаселенного жилья ответило введением Законов о жилищах рабочих. Это дало местным властям право сносить плохое жилье и обеспечивать возведение хорошего: «Каков же был результат этой меры? Сокращенный отчет о деятельности столичного бюро работ от 21 декабря 1883 г. показывает, что до сентября этого года бюро, увеличив налоги на один миллион с четвертью, изгнало из жилищ 21 тысячу человек и построило домов на 12 тысяч человек. О помещении остальных 9 тысяч намерены позаботиться в будущем, а пока они остаются без пристанища. И это еще не все... Если мы прибавим к этому 1734 человека, выселенных столичным бюро, то мы найдем, что почти 11 тысяч человек остались без крова и принуждены были разместиться кое-как в уже обветшалых жилищах» (с. 68).

Тех, кто заинтересован в доскональном изучении параллелей [дней Спенсера] с современностью, я отсылаю к книге профессора Мартина Андерсона «The Federal Bulldozer» (1964). Цитирую лишь один короткий абзац из его выводов: «Федеральная программа реконструкции городов на самом деле усугубила недостаток жилья для групп с низким доходом. С 1950 по 1960 г. было разрушено 126 000 единиц жилья (большинство из них

с низкой арендной платой). По оценкам этого исследования число новых построенных единиц жилья менее четверти числа снесенных, а арендная плата в большинстве новых жилых домов высока. Сравните с чистым приростом предложения жилья на миллионы стандартных домов от частного предпринимательства при минимальном вкладе федеральной программы по реконструкции городов» (с. 229).

В книге Спенсера есть красноречивый абзац, напоминающий его читателям 1880-х годов о том, чем они *не* обязаны государству: «Не правительству обязаны мы массой полезных изобретений, начиная с заступа и кончая телефоном; не правительство сделало открытия в физике, химии и в других науках, руководящих современными фабрикантами; не правительство выдумало те машины, которые служат для фабрикации различных предметов, для перевозки людей и предметов с места на место и всеми возможными способами содействуют нашему удобству. Все коммерческие операции, распространяющиеся на страны всего мира, вся торговля, наполняющая улицы наших городов, этот мелочный обмен, благодаря которому мы имеем под рукой необходимые в повседневной жизни предметы, — во всем этом нет никакого участия правительства, все это результаты добровольной деятельности граждан, работавших в одиночку или группами» (с. 78).

Наши современные этактисты энергично стараются все это изменить. Они отнимают у налогоплательщиков все больше миллионов долларов, чтобы передать их на «научные исследования». Подобная принудительно субсидируемая государственная конкуренция вытесняет из этой феры частные фонды научных исследований, лишая их ресурсов, что со временем угрожает сделать научные исследования государственной монополией. Но сомнительно, что все это в перспективе выльется в больший научный прогресс.

Конечно, денег на «исследования» тратится значительно больше, но они распределяются по сомнительным направлениям: на военные исследования, на разработку все более и более мощных супербомб и другого оружия массового уничтожения, на проектирование сверхзвуковых пассажирских самолетов, разработанных исходя из предположения, что мирные жители должны попадать на места отдыха в Европе или на Карибах

со скоростью 1200 или 1800 миль в час, а не всего 600, и какая разница, сколько при этом лопнет барабанных перепонок обывателей или стекол в окнах; и, наконец, на такие штучки в стиле Бака Роджерса¹, как высадка человека на Луне (как бы ни захватывало дух от такого успеха) или даже на Марсе. Направления исследования определяются вовсе не тем, что ученые считают самым важным или самым настоящим, а тем, что, по мнению политиков, произведет наибольшее впечатление на массы.

Совершенно очевидно, что все это подразумевает широко-масштабное растраниживание ресурсов; очевидно, что государственные бюрократы будут иметь возможность определять, кто получит финансирование исследований, а кто нет, и этот выбор будет зависеть либо от произвольных условий вроде тех, которые сегодня используются при оценке кандидатов на государственную службу (этим путем вряд ли отыщешь самые незаурядные умы), либо от хороших отношений получателя гранта с конкретным государственным чиновником, отвечающего за распределение средств.

Но наши сторонники государства всеобщего благосостояния, по-видимому, полны решимости поставить нас в такое положение, когда мы будем зависеть от государственной власти даже в отношении нашего будущего научного и промышленного прогресса, либо в положение, когда они по крайней мере смогут правдоподобно утверждать, что мы настолько зависимы.

Далее Спенсер показывает, что тот род государственного вмешательства, который он порицает, расносилен не только ограничению частной собственности, но и фактическому отказу от нее: «...смещение понятий, происходящее от того, что обыкновенно смотрят на вопрос с одной только стороны, замечается во всяком законодательстве, которое силой отнимает у одного человека его собственность, чтобы наделить даровыми благодеяниями другого» (с. 90).

Молчаливо подразумеваемое предположение, лежащее в основе всех этих действий, состоит в том, что «на свою собственность, даже на ту, которую он приобрел в поте лица своего, ни один человек не имеет права иначе, как с разрешения

¹ Герой комиксов, важный элемент американской поп-культуры. — *Прим. перев.*

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru